существования возможности употребить их в дело», – писал И. А. Худяков своей матери 2 ноября 1869 года [4, с. 213].

Тяжесть положения, в каком он очутился в Верхоянске, тяжелые чувства и мысли, которые им владели, заставляли его, как он говорит в заключительном аккорде своих воспоминаний, «часто повторять мысленно желание Михайлова, обращенное к молодёжи России:

Будь борьба успешней ваша,
Встретить в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас!» [1, с. 40].

В начале 1871 г. Худяков тяжело заболел. С этого времени исправник неоднократно сообщал начальству о состоянии здоровья ссыльного. В марте 1872 г. он доносил губернатору: «Государственный преступник Иван Худяков по настоящее время находится в умопомешательстве, и временами помешательство его увеличивается, но особенных действий его никаких не замечено» [4, с. 213].

1. Мать И. А. Худякова Татьяна Александровна не раз обращалась к властям с просьбами перевести её сына в такое место, где бы он мог пользоваться медицинской помощью и её заботами. В начале 1874 г. она, наконец, добилась разрешения

на перевод сына в Якутск, но из-за весенней распутицы он был доставлен сюда лишь 31 августа. В Якутске И. А. Худяков пробыл до середины июня 1875 г., а затем его перевезли в Иркутск, где он и умер в больнице 19 сентября 1876 года. Так закончилась жизнь этого замечательного человека [4, с. 213]. Как писал сибирский просветитель Александр Васильевич Адрианов: «Одарённый выдающимися способностями, самостоятельный ум, стойкий, сильный характер, И. А. Худяков при его необычайном трудолюбии представлял такую крупную силу, для которой намечалось почётное место в ряду европейских ученых» [1, с. 2].

Список литературы

1. Адрианов А. В. Славный сибиряк И. А. Худяков. Санкт-Петербург, 1911. 40 с.
2. Худяков, И. А. Сборник великорусских народных исторических песен. Москва, 1860. 175 с.
3. Худяков И. А. Великорусские загадки. Москва, 1861. 116 с.
4. Шустерман С. С. Иван Александрович Худяков // Вопросы истории. 1961. № 11. С. 210–213.
5. Худяков И. А. Великорусские сказки. Москва, 1861. 148 с.

УДК 212:398.1(571.151)(=512.1)

DOI: 10.32340/2514-772X-2020-1-32-41

Л. Н. Мукаева, кандидат исторических наук, доцент
Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия)
larnika777@yandex.ru

СВЯЩЕННЫЕ ВОДЫ АЛТАЯ

Аннотация. В статье анализируется культ священных вод Алтая, как важнейшая составляющая сакрального и реального Алтая и в целом понятия «малой Родины». Для коренного населения Горного Алтая все водоемы: реки, озера, источники, аржаны священны. Им поклоняются, совершают моления, проводят обряды согласно многовековой практике. Такое понимание алтайцами священных вод своей земли пришло из глубины веков вместе с мифологией и древней верой – шаманизмом. Из всех рек Горного Алтая главной является Катунь – основной сакральный и мистический символ, играющий в историческом прошлом и настоящем важную роль в духовной культуре всех народов Алтая. В алтайской мифологии ей принадлежит само почётное место. С главной рекой Алтая связан и целый цикл легенд об алтайском созидателе-строителе Сартакпае. В статье доказывается, что священные воды – это символы тысячелетнего Алтая, его истории и культуры.

Ключевые слова: алтайская мифология, алтайцы – коренные жители Алтая, реки как образ Родины, мировой океан, родники, священные аржаны.

На карте Горного Алтая рисунок нескольких тысяч больших и малых рек и озёр образует причудливый узор, подобный линиям на человеческой ладони. Все реки Горного Алтая: большие и малые, а также озера связаны неразрывными ре-

альными, духовными и подчас мистическими узлами с людьми, издавна осваивавшими Алтайские горы: коренными жителями (северными алтайцами: кумандинцами, тубаларами, челканцами; южными алтайцами: алтай-кижи, теленгитами, теле-

сами), старообрядцами и старожилами. Через юго-западную и центральную части региона течет крупнейшая река Катунь с ее притоками: Кокса, Аргут, Чуя, Урсул, Сема, через западную часть – рр. Песчаная, Ануй, Чарыш, в Юго-Восточном Алтае главной рекой является Чулышман, связывающий два крупных озера: Джулу-куль и Телецкое, а из последнего вытекает р. Бия, в которую впадают Лебедь и другие реки Восточного Алтая.

В исследовательской литературе уже отмечалось, что на территории Алтае-Саянского нагорья реки, как и водоемы в целом, всегда имели иное смысловое и функциональное значение по сравнению с реками равнин и степей. В досоветское время место проживания коренных жителей, а позже старообрядцев и старожилов определялось по речным бассейнам, в котором сосредотачивалась, по словам современной исследовательницы, этнографа Н. А. Тадиной, локально-территориальная единица этноса, члены которой осознавали себя единой группой, объединенной местом проживания, особенностями хозяйственно-практической деятельности, материальной культуры и духовно-религиозным родством [1, с. 152]. При этом, подчеркивает автор, локальные сообщества, сформировавшиеся в конкретных речных системах, отличаются друг от друга родовым составом, речевой интонацией, этнопсихологическим типом и даже фенотипическими особенностями. При знакомстве коренной житель сообщал свое имя и имена своих родителей, указывал на принадлежность к роду (сеоку – буквально – кость) и обязательно называл реку как место своего рождения, проживания и этно-территориальной принадлежности [1, с. 152].

Итак, южные алтайцы, состоящие из алтай-кижи и теленгитов, и северные алтайцы (кумандинцы, тубалары, челканцы) локализуются по речным долинам. Теленгиты издавна осваивают территорию юга Восточного Алтая и Южного Алтая. В настоящее время они компактными группами проживают в Кош-Агачском и Улаганском районах Республики Алтай (далее – РА). Кош-Агачские теленгиты состоят из «чуйских», расселившихся по верхнему течению Чуи и «архытских (аргутских)» – по Аргуту. Улаганские теленгиты проживают по среднему и нижнему течению Чуи, на Улаганском нагорье и в Чулышманской долине, они делятся на «башкаусских» и «чулышманских». Алтай-кижи расселены в бассейнах рек Онгудайского, Усть-Канского, Усть-Коксинского, Шебалинского, Чемальского районов РА, осваивая среднее течение Катунь и бассейны ее притоков: Урсула, Семы, Маймы, а также в системе рек: Чарыша, Кана, Песчаной. В Онгудайском районе они делятся на «каракольских», «урсульских», «яло-

манских», Усть-Канском районе – на «кан-ябоганских» и «чарышских», Усть-Коксинском – на «абайских» и «уймонских», Шебалинском – на «чергинских» и «бешичинских» алтайцев. Как видно, во всех случаях название этно-локальной группе дается по речной долине [1, с. 153].

Этно-территориальная локализация по речным системам присуща и северным алтайцам. Так, северо-алтайская группа – челканцы, расселившиеся по правому притоку Бии – р. Лебедю и его притокам, главными из которых являются Байгол, Садра, Атла, имеют самоназвание «Куу-кижи», что в переводе означает «люди Лебедя», или «лебединцы». Потомки древнейшего населения Алтая и тюрков Южной Сибири – кумандинцы издавна обживали бассейн р. Бии. В досоветское время они населяли две волости: Нижне-Кумандинскую (ныне Красногорский и Солтонский районы Алтайского края) и Верхне-Кумандинскую волость (ныне Турочакский район РА). Этническая группа Северо-Восточного Алтая – тубалары жили и живут по рекам: Бие, Большой и Малой Ише, Сары-Кокше, Кара-Кокше, Пыже и Уймену. Небольшая часть тубаларов бывшей Кергежской волости (ныне Кебезенского сельского поселения) кочевала по северной части Телецкого озера.

Как подчеркивает исследовательница Н. А. Тадина, названия локальных алтайских групп по речным долинам несут в себе информацию об социокультурных и социально-экономических особенностях каждого такого локального общества. Речная долина, в логах которой небольшими аилами проживали коренные жители, ими осмысливалась как семейно-родовая территория, малая родина – Алтай. Река в данном случае выступает как образ Родины [1, с. 153].

Такая же практика названий конкретных социумов по реке со временем распространилась и на пришлые группы населения: старообрядцев, осваивавших речные долины алтайского высокогорья со второй половины XVIII в., и старожилов, массово приступивших к заселению Горного Алтая с начала XIX в. Если в XVIII в. старообрядцы, обитавшие в каменных ущельях южных склонов Катунского хребта, сами себя именовали «каменщиками», от слова «Камень (Гора)», то позже, расселившись по широкой долине Катунь ниже впадения в нее Коксу, а алтайцы верховья Катунь называли Уймоном, обосновали здесь поселения, назвав их под влиянием своих алтайских соседей: Верхний Уймон (1796 – 1798 гг.) и позже – Нижний Уймон (1820 – 1830 гг.), а сами стали именоваться уймонскими старообрядцами, или уймонцами.

Для алтайцев реки и озера – это нечто большее, они олицетворяют сам священный Алтай. Водные стихии (реки) – это вторая по важности после гор составляющая мифологического (сакрального) и реального Алтая и в целом понятия «малой Родины» у коренных жителей региона, выражаемого в концепте «Земля-Вода» [2, с. 79]. Исходя из того, что река на Алтае это образ Родины, то мифопоэтический образ Реки подтверждается сакрально-духовной практикой народа. Такое понимание пришло из глубины веков вместе с мифологией и древней верой – шаманизмом. Но, как подчеркивают исследователи, шаманские мистерии чаще всего посвящены духам священных гор Алтая, а культ воды наиболее полно отложился в традиционной мифологии [2, с. 135–136, 173; 3, с. 225].

Итак, водная стихия в образе чаще всего реки, а также моря, океана, озера, источника является одним из важнейших символов алтайской мифологии. Вкупе с другими символами, это и есть суть мифологической Вселенной [2, с. 173–174]. Вода являлась одной из первооснов, источником Вселенной, а значит источником и первоосновой самой жизни на земле.

В алтайском эпосе о сотворении Вселенной говорилось, что Ульгень летал над безбрежным морем (мировом озером), в котором обитала «священная мать», прародительница жизни Умай-эне, принявшая участие в сотворении земли, а затем и неба. Ими был создан трехуровневый мир: верхний (небесный), средний, где обитал человек и нижний – подземный мир. На третьем слое неба верхнего мира, где живут сыновья Ульгения, находится главный священный источник в алтайской мифологии – молочное озеро Сут-коль. Именно из него появляется Белая мать (Ак Эне, или богиня Умай) с распущенными золотыми волосами [4, с. 59]. А. М. Сагалаев замечает, что многое в древних тюркских мифах забылось и исчезло, но эти образы героического мифа – богиня Мать и ее молочное озеро – сохранились. В алтайской модели верхнего мира молочное озеро есть неиссякаемый первоисточник жизни на земле и одновременно рай для праведных душ [5, с. 60]. Озеро охраняют сама золотоволосая богиня Мать (Умай), синий бык и гигантская рыба Кер-балык. Символом молочного озера Сут-коль в духовно-мистической практике алтайских шаманов является чаша, из которой кропят молоком во время жертвоприношений [2, с. 86]. Сут-коль не единственный водоем в верхнем мире. В героическом эпосе есть описание белой реки (в других случаях, синей реки), на берегу которой находится белый дворец. Река обладает взаимоисключающими свойствами: она движется и не движется. Такая река, утверждает

А. М. Сагалаев, есть граница иного мира, обозначающая его вневременность [2, с. 80].

В алтайской мифологии широко представлен символ моря. А. М. Сагалаев поставил вопрос: почему алтайская мифология, относящаяся к стране, равноудаленной от четырех океанов, содержит символы моря (безбрежного океана) и многочисленные упоминания о море (океане)? Действительно, в алтайском эпосе часто речь идет о морях, располагающихся на краю мира и преграждающих путь герою (богатырю). По мнению А. М. Сагалаева, под символами: «безбрежный океан», «безбрежное море», о которых речь идет в алтайском мифе, выступает неупорядоченное, стихийное начало, обозначающее «потоп», «разлив», «бездонный омут» [2, с. 79]. В алтайском мифе о сотворении мира повествуется, что после возникновения земли, ее со всех сторон окружает вода, представленная «черными, «кровавыми», «бездонными» морями и озерами», «топиями и далекими реками». В подземном мире находятся «черное море, полное слез очей», «бурное черное море», «красное море, полное грудной крови», «болота глины и грязи», «кипящее черное озеро», «кипящий черный ад», «волнующееся черное море», «крутящийся черный океан». По мнению А. М. Сагалаева, все виды водных стихий есть проявления неукротимой силы и мощи первичного океана. С этими страшными водоемами нижнего мира имеет дело только шаман [2, с. 81]. Как видно, образ «морья», «океана», «реки», или просто «воды» показывает хаотичность, бесформенность нарождающегося мира, его текучесть, изменчивость и податливость. Именно водная стихия (вода), подчеркивает ученый, это наиболее емкий символ хаоса в алтайской традиционной мифологии. Но в этой неупорядоченности есть и порядок. Земля (земная твердь) установлена на спинах трех великих рыб, сотворенных верховным божеством Ульгением, две из них располагаются по краям, третья – в середине под землей головой к северу. При любом наклонении головы средней рыбы на земле начинается потоп. В океане обитает Белая Мать – Ак-Эне (Умай), дающая жизнь на земле [2, с. 25, 38–39].

В нижнем мире, находящемся под властью божества Эрлика, из всех его водоемов выделяется мистическая река Тойбодым. Но где эта река? Ее нет. Такой реки не существует на земле, нет даже намеков на ее существование. Но эту реку знает алтайский миф, который рассказывает, что на берегу Тойбодыма обитают морские чудовища: Абра и Тутпалар, охраняющие дворец самого Эрлика. На дне Тойбодыма покоятся кости умерших людей и шаманов. Река наполнена слезами и кровью живых и мертвых людей, что указывает на связь дан-

ной мифической традиции с погребальными обрядами тюркских народов Южной Сибири [4, с. 62]. По отдельным данным, это Тойбодым – это река кипящей воды синего цвета, имеющая девять притоков [2, с. 80–81]. Река Тойбодым делит мир живых и мертвых, уходя в подземные обитатели Эрлика, она связывает верхний мир и низший мир. Через нее перекинут волосяной мост, по которому перебирается шаман в своих путешествиях в царство к Эрлику. По алтайским поверьям, души людей при переходе по волосяному мосту срываются в Тойбойдым, и возврат их обратно в мир живых уже невозможен, все они остаются в нижнем мире.

По поводу названия реки Тойбодым в исследовательской литературе имеется несколько точек зрения. Мифическая река за то, что вбирает в себя всё негативное и отрицательное, получила название «Тойбодым», то есть «не насытился», «ненасытная» [1, с. 155; 4, с. 62]. Но если Тойбодым насытится, то тогда, по алтайским поверьям, на земле наступит конец света. Алтайский миссионер и первый алтайский этнограф В. И. Вербицкий этим термином обозначал Мировой океан и р. Обь [4, с. 62]. В рисунках алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина, царство Эрлика помещено в низовьях р. Оби с обозначением: «Тойбодым – океан (ненасытный)», ниже его простирается стихия потопа – «чаик», выше – «Тенгис – море (многоводный)» и «Обь (глубокий)» [6, с. 82].

Итак, с одной стороны, вода в алтайском мифе о сотворении мира связана с хаосом, опасностью, нижним миром, она граница, за которой начинается непознанное, неизведанное, с другой стороны, вода является строительным материалом и выступает как жизнестроительная сила. На такое амбивалентное отношение эпической традиции к водной стихии указывал А. М. Сагалаев [2, с. 79].

Такое же двойственное отношение к воде (рекам, озерам) наблюдается не только в мифологии, но и в реальной жизни алтайского социума. Для коренных жителей бурные горные реки являлись сложной и труднопреодолимой преградой, в досоветское время они в большинстве случаев не умели даже плавать [2, с. 79–80]. Переправа через реки считалась крайне опасным занятием как из-за близости иного (нижнего, подземного) мира, так и из-за реальной угрозы, поэтому правилом хорошего тона считается пожелание благополучной переправы: «Если большая река (на пути) – пусть будет с переправой» [1, с. 156].

Путевые дневники досоветских исследователей К. Ф. Ледебур, А. А. Бунге, побывавших в Горном Алтае в составе флористической экспедиции в 1826 г., П. А. Чихачева, совершившего геологическое путешествие по региону в 1842 г., В. В. Радлова полны описаний опасных переправ через

большие и малые реки Алтая. Так, 7 июля 1826 г. ученому А. А. Бунге не удалось переправиться через бурный Чарыш [7, с. 202]. 30 июля 1826 г. при переправе через Башкаус – левый приток Чулышмана у него едва не утонула выючная лошадь, которую в последний момент спасли проводники [7, с. 214]. 13 августа А. А. Бунге со своей экспедицией переплавлялся через высоко поднявшуюся из-за проливных дождей Катунь в районе Кор-Кочу. Он вспоминал: «переправа была чрезвычайно опасной. Лодку раз снесло совсем близко к нижнему порогу, а напоследок, когда я переплавлялся, лодка, накренившись, зачерпнула так много воды, что мы чуть не пошли ко дну. На обоих берегах видны благодарственные жертвы калмыков (алтайцев) за счастливую переправу – ленточки и тряпицы, привязанные к ветвям деревьев. Радуюсь тому, что мне удалось переправиться, я тоже повесил большую ленту на одно из деревьев, заслужив одобрение сопровождавших меня калмыков (алтайцев)» [7, с. 215].

Переправы через малые реки тоже доставляли немало неприятностей, особенно когда они сильно разливались после проливных дождей. К. Ф. Ледебур писал, что 18 июня 1826 г., алтайские проводники неохотно согласились на переправу через бурный Кумир в маленькой лодке: «они никак не смогли отважиться на такое рискованное предприятие. ... решились на переправу только после многих уговоров и колебаний и, конечно, лишь потому, что их лошади были уже на той стороне. Не желая видеть опасности, которой подвергались, они присели на корточки на дно лодки и низко наклонили головы, ни разу не взглянув на воду» [7, с. 83, 92].

Переправа через Катунь, вода в которой высоко поднялась от дождя, далась очень тяжело П. А. Чихачеву [8, с. 112]. По его описанию переправой людей и груза на правый берег Катунь занимались два «дюжих» казака, которые сделали пятнадцать рейсов через стремительную реку. Лошади перебрались через бурную Катунь вплавь [9, с. 55]. В итоге «в полном изнеможении люди и лошади» перебрались на другой берег Катунь, даже «лихие казаки совершенно обессилели», почему П. А. Чихачев распорядился задержаться до следующего дня. За благополучную переправу алтайцы-проводники и даже сам ученый повязали ленты-кыйра на кустах в знак благодарственной жертвы [9, с. 56].

Исследователь В. В. Радлов с женой и со своими спутниками при переправе через Катунь со страхом взирали на небольшую лодку, которая должна была перевезти их на другой берег: «Шум как будто бы падающих на нас волн, ошеломил нас, вода брызгала нам в лицо и мы чувствовали,

что стрелою неслись вперед. Когда мы снова пришли в чувство, то были уже на другом берегу Катуня» [10, с. 44].

По мнению А. М. Сагалаева, водная стихия, будучи очень важной, тем не менее, так и осталась чуждой жителям Алтайских гор [2, с. 79–80]. И только реки Северного Алтая использовались в качестве транспортных артерий, а местное население охотно занималось рыбной ловлей. У южных алтайцев, для которых рыба являлась символом подземного мира, рыболовство отсутствовало.

Алтайские реки образуют основные водные бассейны региона: Катунский, Бийский, Кан-Чарышский, Чулышманско-Башкаусский и другие, покрывающие сплошной голубой водной сеткой Горный Алтай. Названия водоемам коренной социум давал, исходя из природно-физических особенностей рек и озер. Еще В. И. Вербицкий писал: «Алтайские горы перерезаны реками, речками и ручьями, которые то смиренно омыают подошвы гор, то с шумом стремятся по самым хребтам их и пенятся в водопадах» [11, с. 2]. С приходом в регион русского населения гидронимы получили мужские и женские значения.

Что касается озерной топонимики, то озерам алтайцы старались давать красивые названия, например, Дарашколь – красивое озеро, Даингол (ныне Манжерокское) – «Князь-озеро». Картографическая литература XVI – начала XVII вв. кратко упоминала высокие горы, расположенные далеко на юге Западной Сибири под наименованием «Лукоморских гор», среди которых раскинулось гигантское озеро, названное австрийским автором «Записки о Московии» С. Герберштейном Китайским озером (Kithay), дающим начало огромной реке Оби, шириной в 80 верст. На карте Лукомории рядом с Китайским озером С. Герберштейн разместил дерево, из-под корней которого струится источник животворной воды [12, с. 901]. Посланный в 1633 г. в Северо-восточный Алтай к верховьям Бии и к Китайскому озеру боярский сын Петр Собанский выяснил, что озеро, из которого вытекает Бия, местные алтайские племена называют Алтын-Кель, а джунгары – Алтын-нор, что в переводе с алтайского (тюркского) и джунгарского (западно-монгольского) означает одно и то же – «Золотое озеро». Но П. Собанский в своем описании озера и Бии предложил называть озеро Телесским по имени народа, населяющим его берега. Так, автором нового гидронима «Телесское (Тележское)», позже трансформировавшееся в «Телецкое», стал служилый человек-землепроходец из Томска П. Собанский [13, с. 45–46]. Российский ученый финского происхождения Й. Г. Гранё в течение двух недель в 1913 г. изучал бассейн Телец-

кого озера [14, с. 158–159]. Впоследствии он вспоминал: «Такого могущественного (озера) не найти. ... мрачная леденяще-холодная вода заполняет его глубины. Какое угнетающее величие природы». Но местные жители к удивлению ученого считают его «прекрасной достопримечательностью самой прекрасной земли» [15, с. 237]. В подтверждение их слов Й. Г. Гранё привел русский перевод песни, сложенной тубаларами о своем озере:

«Прекрасен Алтын-Кель!

Над его гладью реет дымка,

Красивы склоны его,

Черным лесом укутанные.

Вкусна его рыба, которой кормит оно народ свой

Крупна дичь в лесах,

За которой здешний народ ходит» [15, с. 237; 14, с.](Гранё, 2012: 237; Мукаева, 2018: с. 158–159].

В исследовательской литературе уже проведено сравнение перевода Й. Г. Гранё этой тубаларской песни с другим вариантом перевода на русский язык, помещенным в сочинении «Памятное завещание» первого алтайского священнослужителя, миссионера-просветителя М. В. Чевалкова [14, с. 159]:

«Как прекрасно Золотое озеро

Со своим расстилающимся белым туманом!

Как вкусна рыба его,

Которой он кормит свой народ» [16, с. 6].

Есть третий и наиболее полный вариант перевода на русский язык песни озерных жителей, записанной известным исследователем-краеведом А. В. Анохиным в начале XX в.:

«Славное ты, Золотое озеро,

Ты словно глубокое море.

Высокая тайга по берегам твоим.

И любитесь в зеркале твоё –

Жёлтое и бездонное небо.

Хорошо смотреть на твои деревья,

Хорошо смотреть на летающих птиц.

Славное Золотое озеро, хорошее

И рыба твоя сладкая, вкусная,

И лучше этой рыбы нигде нет» [17, с. 19–20].

Тюрки Алтая и их предшественники имели верные пространственные представления о Катуня, Бии, Оби и других реках. Тот факт, что практически все реки Алтая текут с юга на север, сформировало особое пространственное понимание своего места в реальной среде обитания: коренной житель всегда скажет «я приехал сверху» [2, с. 82].

Из всех рек Горного Алтая главной является Катунь – основной сакральный и мистический

символ, играющий в историческом прошлом и настоящем важную роль в духовной культуре всех народов Алтая. В алтайской мифологии ей принадлежит самое почетное место. С главной рекой Алтая связан и целый цикл легенд об алтайском созидателе-строителе Сартакпае. В алтайском эпосе, преданиях, легендах прослеживается ее путь от подножья самой высокой вершины Алтая – горы Белухи, описывается ее неукротимый, бурный нрав, опасные пороги, необыкновенная мощь движущейся с огромной скоростью воды, разбивающей любые препятствия. Не сдерживая свое воображение, древние и средневековые сказители в своих описаниях реки поведали о ней многое, что наверняка бы ускользнуло от внимания современного человека. Священная Катунь – первая по социально-экономическому и историко-культурному значению река Алтая. На ее берегах раскинулись богатые старообрядческие села высокогорья, поселения коренных жителей, старожильческие деревни и переселенческие поселки.

Бассейн Катунь И. Г. Гранё образно назвал «Сердцем горной страны» [15, с. 346–347]. Об этом же писал художник и эссеист Г. И. Чорос-Гуркин: «... среди этого могучего заколдованного царства, среди величественной природы, среди громад голубых гор, среди дремучих, тёмных лесов, по нежным, благоухающим цветам долинам, по золотому дну Алтая, течёт изумрудная река красавица-Катунь. Глубоко врезалась она в самое сердце Алтая и между ущелий извилась голубою лентой. Бурная, неугомонная, крепко прижалась она к груди великана и стремительно, с шумом течёт вперёд... И нет, кажется, никакой силы, могущей остановить её течение, нет преград её стремлению и могучему бегу...» [18, с. 11].

Катунь, стекая с ледника Геблера – самого высокого Катунского горного хребта, сначала течет с востока на запад, затем обогнув Катунский хребет огромной петлей, – с запада на восток. Катунская петля, огибающая горы, в XX в. получила образные названия: «подкова Катунь», «ожерелье Катунь» с обязательным указанием беломолочного цвета воды. Алтайское население верховья Катунь до впадения в нее голубой (синей) Коксу именovalo Уймоном, переводимым как «загиб, или изгиб». Отсюда и название степи, по которой протекает Катунь (Уймон) – Уймонская. Традиционное алтайское название реки это «Кадын», а Белухи, с которой стекает Катунь – «Кадын-Бажи», то есть «Вершина Катунь» или дословно «Голова Катунь», что соответствует неразрывной сакральной связи двух духовных символов Алтая: самой высокой горы и главной священной реки. Об этой же связи реки и горы

свидетельствует и русский аналог топонима – «Катунские столбы» [19, с. 51].

Самая большая река Юго-Восточного Алтая за свое извилистое русло получила наименование Чулышман (Чолушман), то есть «дождевой червь». Еще В. В. Радлов обратил внимание на необычайную извилистость этой реки: «В самой долине река извивается, как змея; от этой извилистости течения река, вероятно, и получила свое название» [20, с. 72]. Слева в Чулышман впадает его самый крупный приток Башкаус. По легенде в устьевой долине Башкауса в давние времена был похоронен теленгитский шаман большой силы. На месте его захоронения выросла береза [12, с. 328]. Гидроним Бия означает *Господин*, но есть тубаларское наименование Бии – Оон.

В алтайской духовно-религиозной практике вода (суу) священна в любом своем проявлении и заслуживает поклонения. В жизни коренных жителей культ священных вод: рек и озер, родников, священных Аржанов играет большую роль. Неслучайно, когда художник Г. И. Гуркин создавал в своем Аноском имении микрокосм алтайской Природы, то важной частью созданного им ландшафта стал ручей, проведенный по искусственному руслу, и наполнивший миниатюрный пруд [2, с. 169]. Сакральным водам своей родины Г. И. Гуркин посвятил свои знаменитые картины: «Озеро горных духов», «Корона Катунь», «Катунь весной» и другие, названия которых уже давно стали брендами Горного Алтая.

Частым сюжетом творений талантливейшего художника была Катунь, на берегу которой он прожил несколько десятков лет своей творческой жизни. Катунь как символу Алтая он посвятил проникновенные строки: «Осень. Величаво, с сознанием своей силы и благородства, шествует между праздничных берегов Лучезарная Катунь. Она уже не шумит теперь так бурно, как весной, но элегически спокойно катит свои бирюзовые волны». Только в осеннем Аносе Григорий Иванович мог написать: «Спокойно, хорошо и мирно вокруг. Чувствуется, что в природе зреют какие-то великие чары. Свободно дышит грудь, и душа в восторге рвётся куда-то на недостижимые высоты, к другому бытию, в другой мир, в царство мысли и грёз, к неведомому, желанному счастью... Давно улетели перелётные гости-дачники, оставив о себе пёстрые воспоминания. Изредка, не торопясь, проедут карнизом реки... охотники, покурявая свои трубочки. ... И опять всё тихо. Опять шёпот природы, опять зыблются волны нежных красок. Опять песни Катунь, полные чар и ласки. Опять мечта и полёт духа. Легко и свободно дышит грудь, ничто мрачное не тревожит душу. Перед взором, в вечном движении, кипит благо-

родная волна – дышит, живёт горная река. Ярче, живописнее отражаются берега в блеске её зыбучих затонов» [18, с. 12].

Как выяснила исследовательница Н. А. Тадина, в алтайском социуме река наделяется тремя важнейшими признаками: она одухотворена, имеет Хозяина – Духа воды, является объектом почитания и поклонения. Согласно алтайской мифоритуальной традиции каждый водоем (река, озеро, источник) имеет антропоморфные черты. По этой причине, к рекам относятся как к живым: исток реки называется «головой», обязательно соблюдается ритуал знакомства с рекой, во время которого следует отчерпнуть воды правой рукой на берег четное количество раз, смочить свою голову в знак пожелания благополучия, бросить в воду монетки белого цвета при их наличии. Нельзя перешагивать через «изголовье», «голову» реки, умываться над водой, стирать одежду, мыть посуду, зачерпывать воду против течения. Запрещалось селиться в верховьях и на устье реки. Не случайно, когда алтайцы стали переходить на оседлый образ жизни, то свои поселения они, как правило, образовывали в средней части реки, в то время как русские переселенцы предпочитали устьевые долины. По отношению к реке алтайцы не использовали грубые, бранные слова, даже если страдали во время сильного половодья и наводнения, во всех своих действиях они подчеркивали уважительное отношение к реке и к воде в целом [1, с. 155].

Река в алтайской эпической традиции трактуется как «граница миров». Согласно алтайским поверьям, переправа через реку означает переход из одного мира в другой. Такое понимание привело к появлению целого ряда запретов и предписаний в алтайском социуме по отношению к реке. Через реку не перевозили покойников и не рисковали переправляться люди, находящиеся в трауре. Поскольку считалось, что берега реки обладают полярными противоположными свойствами, то при возникновении в семье несчастий всякого рода: болезней падежа скота и других, алтайцы поступали просто, они переселялись на другое место. Исходя из своей веры в то, что река есть противоположный мир, алтайцы считают, что любое погружение человека в воду меняет его состояние: если он болен, то «река унесет несчастье и даст благополучие семье», если здоров, то – его здоровье [1, с. 155–156]. По реке пролегла граница реальной земной жизни, за которой являлся вход в подземный мир, куда отправлялись все жертвенные подношения. Таким образом, река (вода), соединяя прошлое, настоящее и будущее, верх и низ, мир живых и мир мёртвых, представляет собой важную составляющую окружающего мира и картины мироздания коренных жителей

Алтая. Как и другие символы алтайской мифологии, река обросла неисчислимыми связями, сюжетами [2, с. 173–174].

Хозяйкой водоема (реки) является Дух (Суу-Эзи) в виде женщины, или молодой девушки, или же седобородого старца. По некоторым поверьям, хозяйкой реки выступает змея, приносящая на своей голове воду. Существует даже правило, запрещающее убивать змею, находящуюся в реке [1, с. 154]. Алтайцы верят, что Дух воды, как творец всех водных пространств, стоящий над злом и добром, может вмешаться в жизнь каждого человека; устроить наводнение, утопить человека в реке, или озере, создать Аржаны – источники с целебной водой. Коренные жители так обращались к нему:

«Текущих рек хозяин!
На берестяных лодках войско твое,
Хозяин синего моря!
Бурное синее море,
Серая лошадь – жертва тебе!
Не остывшей аракой тебя угощаем!
Не опускай нас в воду,
не бросай нас в море,
Как Катунь, смеешься ты!» [2, с. 81].

Наряду с главным духом воды алтайцы почитали и хозяев каждого водоема. Как выяснил А. М. Сагалаев, наиболее разработанные представления о духах воды были в Северном Алтае. В одной северо-алтайской легенде рассказывается о юноше, выстрелившем в девушку, сидящую на льдине во время ледохода и расчесывающую рыжие волосы. Разгневанная девушка пообещала утопить неосмотрительного юношу даже в мелкой речке. И спустя некоторое время, он утонул при переправе через реку [2, с. 86]. Помимо Су-Эзи в воде, по алтайским поверьям, обитают зловредные духи. Поскольку они не могут двигаться против течения, то у них только один путь – вниз по течению реки, туда, где река впадает в мировой океан. По этой причине они привыкли селиться ближе к верховьям рек [2, с. 82].

А. А. Сагалаев описал алтайские обряды почитания воды: достаточно редкий обычай оставлять кости добытых животных в источнике; в старину Духу воды приносили в жертву молодого бычка, складывая забитое животное на небольшой плот и отправляя его вниз по реке; чтобы избавить ребенка от болезни, изготавливали куклу и отправляли ее вниз на плотике по реке. Бурханисты в начале XX в. для того, чтобы не дать распространиться болезни (инфекции, эпидемии) стреляли из ружей в реку вниз по ее течению от истока до устья. Например, когда в 1909 г. от тифа умер бурханистский ярлыкчи Тайтак, то съехавшиеся на

его могилу бурханисты исполнили этот обряд [2, с. 157].

В старину существовали строгие правила посещения и пользования водоемами. Так, темные и глубокие озера в мрачных местах горных вершин окружены многочисленными поверьями. До сих пор старые люди опасаются горных озер; их боятся и не советуют их посещать. Молодые респонденты тоже подтверждают, что умываться озерной водой, и тем более, купаться в озере у них нет никого желания. Некоторым на берегах таких водоемов слышатся разные звуки. Местные жители верят в то, что отдельные озера связаны между собой подземными стоками. В подтверждение приводятся факты того, что животное утонуло в одном озере, а всплыло в другом, расположенном ниже. У местных жителей существует предубеждение к родникам, вытекающих из-под корней сильно скрюченных, искривленных деревьев, или сплетенных стволами. С ручьями, вытекающими из-под трех берез на территории Центрального Алтая, связано поверье, запрещающее посещать такие ручьи, потому что здесь невидимая паутина перекрывает путнику дорогу.

В алтайском социуме все источники традиционно делятся на *Кара-Суу*, *Тонгмок-Суу*, *Аржан-Суу*, *Эм-кутук-Суу* (*Кутук-Суу*). Первых, то есть *Кара-Суу*, на Алтае очень много, это источники с чистой питьевой водой, ею умывались, использовали при некоторых заболеваниях и для хозяйственных потребностей. *Тонгмок-Суу* тоже широко распространены на Алтае, это источники такие же, как *Кара-Суу* с чистой, но очень холодной, ледяной водой.

Кутук-Суу – это живой источник, он прячется и показывается далеко не каждому человеку. Его опознают по воде белого цвета, как молоко. Если в нем помыть руки, или взбалмутить воду, то *Кутук-Суу* исчезнет и появится только через год. Поэтому если человеку встретится такой «молочный» источник, то он должен от всего сердца поблагодарить Духа источника, обратиться к нему с просьбами о здоровье, долголетию, и лишь только потом он может выпить немного воды. Алтайское поверье гласит, что без проведения обряда благодарности человек, испивший такой воды, может прожить долго, но на смертном одре будет мучиться.

Аржан-Суу – это священные лечебные источники, часто с незамерзающей водой, которой коренное население лечилось. Эти Аржаны порой имеют своеобразный облик. Некоторые стекают небольшими водопадами в укромных местах, другие же вырываются из жерла отвесной скалы, третьи собираются в отполированных водой каменных чашах. По легенде, когда люди убили

богатырского коня, то из его ран вместо крови полилась вода, избавляющая от болезней и ран [4, с. 62–63]. Так, по алтайским представлениям и возникли целебные аржаны – священные источники.

Общеизвестно, что алтайцами почитается Дух-Хозяин каждого конкретного источника. Алтайцы верят, что именно Дух источника (*Суу-ээзи*) обладает целительной силой, а не вода в источнике. Согласно алтайским поверьям, каждый Аржан имеет своего духа-хозяина в образе юной стройной девушки в алтайской легкой и светлой одежде. Сегодня известно, что целебные источники Алтая минерализованны, в них содержатся различные химические элементы: серебро, золото, железо, сероводород, в теплых ключах – радон. Коренные жители издавна знакомы с целебными свойствами Аржанов и различают их как глазные, желудочные, сердечные и другие источники. При некоторых болезнях воды аржанов являлись единственным лечебным средством. В алтайском социуме существует поверье, на какой орган похожи камни, лежащие на дне родника, то такой орган он и излечивает.

До сих пор сохранились многовековые правила посещения священного аржана, которое проходит по строгим правилам и с обязательным проведением всех обрядов. Поездка на Аржаны имела свои сроки и ритуальные правила. Целебные источники принято посещать дважды в год: летом, когда распускаются листья на деревьях, алтайцы в таких случаях говорят: природа «зеленеет» или ранней осенью, когда природа «желтеет» и обязательно в новолуние – на новую луну. На источник стараются прибыть от 12 до 14 часов дня. К посещению готовятся заранее: женщины пекут *теертпек* (лепешки), мелют свежий *талкан* (молотые зерна обжаренного ячменя), запасаются зеленым чаем, свежими сливками, кипяченым молоком, сыром [21, с. 171].

Человек, собирающийся на Аржан, должен быть «чистым», то есть не иметь в текущем году умерших родственников. На Аржан никогда не ездили дети до 15 лет. По пути к источнику соблюдали тишину и не охотились. Посетители, как правило, останавливались в отдалении от него, где расседывали лошадей и давали им отдохнуть. Затем разводили неподалеку костер, кто-то отправлялся с чайником за водой. Заполнению чайника предшествовал обряд подвязывания лент-кыйра из новой ткани белого цвета на ветки дерева, растущего рядом с Аржаном, с одновременной просьбой о благополучии членам семьи и рода. Лента должна быть только белого цвета [21, с. 171]. Если у путника не было под рукой ленты соответствующего цвета, он мог повязать любые

четные растения (2,4,8). С возникновением бурханизма цветовая символика лент-кыйра изменилась. Наряду с белыми стали использоваться синие и желтые ленты. Более того, ярлыкчи утверждали, что на берегах можно повязывать ленты пяти цветов, из которых главными являются белый, желтый и синий (голубой) цвета [2, с. 158–159].

После повязывания лент можно было испить три глотка из Аржана. Затем в чашки наливали молоко и деревянными ложками кропили три раза в сторону Аржана и костра, и три раза кланялись источнику. Чай, мясо (по некоторым данным, мясную пищу не готовили) на Аржанах варили без соли. Костер разводили из дров, привезенных с собой. Исполнялся обязательный обряд угощения огня и окуривания арчыном (можжевельником). После приготовления пищи следовал обряд угощения духа источника молоком, талканом, сыром, лепешками. Лишь после проведения обряда можно было умываться и пить воду. Лечебную воду Аржана брали с собой.

В алтайском социуме считалось, что при неподобающем поведении дух источника мог рассердиться и наказать человека через болезнь, смерть, дорожную аварию, стихийное явление: град, грозу. Согласно алтайским поверьям, из источников Кара-суу и Аржанов нельзя брать воду после захода солнца и перед рассветом. По алтайским поверьям, дух воды может унести душу человека, нарушившего такие неписанные правила поведения. На Аржанах ведут себя очень тихо, возле источника нельзя шуметь, мыть в его водах грязные руки, иначе дух воды может унести душу человека, нарушившего такие неписанные правила поведения. Возле священных вод нельзя рвать цветы, растения, обламывать кустарники, ветки деревьев, перешагивать через «изголовье» такого родника. Вода Аржанов и других источников никогда не захламлялась. В досоветское время к таким целебным родникам никогда не допускались домашние животные.

В настоящее время экологическое сознание коренного населения меняется. Молодежь забывает экологические традиции своего народа. На малых и больших реках располагаются предпринимательские хозяйства, фермы, турбазы. В реки и источники сбрасывают мусор, бытовые отходы. Но Аржаны: Чулышманский, Джумалинские ключи, Черемшанский, Кызыл-Озекский, Золотой ключик, Рахмановский источник и другие сохранили свое сакральное значение.

Таким образом, важной составляющей сознания и поведения коренного населения является сакрализация воды, как неотъемлемой части Алтая. Все реки, озера, источники, Аржаны Алтая священны. Им поклоняются, совершают моления,

проводят обряды согласно многовековой практике. Священные воды – это символы тысячелетнего Алтая, его истории и культуры. Они занимают большое место в мировоззрении коренного населения Алтая.

Прекрасно чувствующий душу своего народа Г. И. Гуркин обращался к символу Алтая – реке Катунь со следующим гимном-прославлением: «Как очарованный, стоишь под крылом волшебной природы и в восторге хочется крикнуть кому-то... Людям ли, живущим в далёких, пыльных, душных городах; рабам ли будничного шума, мелких забот, погрязшим в сутолоке повседневной жизни, или ещё кому-то: «Оставьте всё и хоть на крыльях вашей мысли перенеситесь в эту долину. Взгляните на девственную чистоту Алтая, на его красавицу, волшебную Катунь, этот символ вечной жизни, неустанного стремления вперёд... В её волне вы ощутите биение жизни и почувствуете, что дух Вселенной бодрствует в ней от создания мира. ... Вот она, бурливая, страстная, переливается изумрудною струёй, плещет и играет цветами радуги. Вся она полна волшебной силы, вся – движение и жизнь. Стопились к берегам её пахучие сосны и протягивают к ней кудрявые ветви. А с высоты скалы и горы смотрят в её кристальные воды. Она есть счастье и украшение Алтая. Ее боготворит кочевник, слагает в честь ее песни и повязывает ей яламу. И бурная Катунь, как бы чувствуя всё это, шумно спешит с победною славой вперёд. На пути она шлёт своё «прости» прибрежным горам и всему Алтаю. Слышатся её томительные вздохи: уносясь вглубь синих дымчатых гор, они замирают в сердце великана» [18, с. 12–13].

Такое возвышенное отношение и поклонение – это дань памяти и благодарность великим и малым рекам Алтая, которые питают свой народ и являются частью его Родины.

Список литературы

2. Тадина Н. А. Река как образ Родины у алтайцев // Реки и народы Сибири. Санкт-Петербург, 2007. С. 151–158.
3. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. 176 с.
4. Ойроткинова Н. Р. Обряд посещения святого источника и его мифологический контекст в фольклорной традиции алтайцев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. 2017. № 5. С. 224–230.
5. Посконная Ж. В. Традиционное мировоззрение алтайцев: культ воды и феномен жизни // Вестник Томского университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 57–67.
6. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифоло-

гия: символ и архетип. Новосибирск, 1991. 152 с.

7. Еркинова Р. М. Шаманский мир в рисунках Г.И. Чорос-Гуркина // Вестник Томского университета. 2008. № 316. С. 80–83.

8. Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской киргизской степи. Новосибирск, 1993. 414 с.

9. Чихачёв П. А. Путешествие в Восточный Алтай. Москва, 1974. 360 с.

10. Мукаева Л. Н. Из истории изучения Горного Алтая П. А. Чихачевым в 1842 г. // Вестник Томского университета. 2011. № 353. С. 110–116.

11. Костров Н. А. Поездка на Чую доктора Радлова в 1860 году. Томск, [1879]. 80 с.

12. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон. 1893. 239 с.

13. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Географического общества Г.Н. Потаниным. Вып. IV. Материалы Этнографические. Санкт-Петербург, 1883. 1026 с.

14. Мукаева Л. Н. Картина Горного Алтая в

отечественной и зарубежной мысли XVI–XVIII вв. // Евразийцы. Горно-Алтайск, 2007. С. 41–49.

15. Гранё Й. Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. М.: «Индрик», 2012. 608 с.

16. Мукаева Л. Н. Экспедиционные исследования финского геоморфолога Й. Г. Гранё в Северо-Восточном Алтае в начале XX в. // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год. Горно-Алтайск, 2018. С. 156–165.

17. Чевалков М. В. Памятное завещание. Горно-Алтайск, 2007. 131 с.

18. Легенды и мифы Седого Алтая. Горно-Алтайск, 2008. 92 с.

19. Гуркин Г. И. Алтай и Катунь // «Дик и чуден Алтай ...». Горно-Алтайск, 2011. С. 11–13.

20. Мукаева Л. Н. Гора Белуха как природный комплекс и духовно-сакральный символ Алтая // Евразийцы. Горно-Алтайск, 2008. С. 50–54.

21. Костров Н. А. Путешествие доктора Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану. Томск, 1881. 95 с.

22. Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001. 221 с.

УДК 338.482.224(571.150-22)

DOI: 10.32340/2514-772X-2020-1-41-44

С. В. Харламов, кандидат географических наук, доцент
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
harlamovageo@rambler.ru

Н. Ф. Харламова, кандидат географических наук, доцент
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
kharamova.57@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АГРАРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ТУРИСТИЧЕСКИЙ РЕСУРС АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Аннотация. Увеличение туристского потока требует не только освоения новых природно-территориальных комплексов территории, но и обширного вовлечения в данную экономическую сферу в качестве туристского ресурсов исторических, социально-культурных и иных объектов туристского интереса. В целях единого учета туристских ресурсов; предоставления туристам (экскурсантам) необходимой информации, обеспечивающей компетентный выбор в сфере туризма; создания благоприятных условий для привлечения инвестиций в туристско-рекреационный и санаторно-курортный комплексы и др. целей для обеспечения устойчивого развития туризма, в 2019–2020 гг. разработано Положение о туристском реестре Алтайского края. На примере Белокурихинско-Ануйской туристско-ресурсной зоны, в состав которой, помимо города-курорта Белокуриха, входят и аграрные Смоленский и Солонешенский районы, выделены исторические туристские ресурсы, которые предлагаются для включения в Реестр туристских ресурсов Алтайского края.

Ключевые слова: туризм, культурно-исторические туристские ресурсы, реестр туристских ресурсов, Алтайский край, устойчивое развитие.